PG2950
.I46
1910z
vyp.3

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
LIBRARY
AT CHAPEL HILL

И. Н. Игнатовъ.

PG2950
.I46
1910z
vyp. 3

Бесѣды о русской литературѣ.

Besiedy o russkoĭ literaturie

Вып. III.

Карамзинъ.—Жуковскій.

ЦѢНА 65 КОП.

ЗАДРУГА

186210

МОСКВА.—1918.

Бесѣды о русской литературѣ.

Вып. I. Что такое литература и зачѣмъ она нужна.

» II. Какъ и почему пишутъ поэты.—Ломоносовъ и другіе писатели XVIII столѣтія.

» III. Карамзинъ.—Жуковскій.

» IV. Пушкинъ.

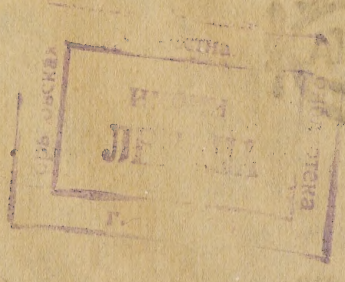
» V. Лермонтовъ.—Гоголь.

» VI. Тургеневъ.

» VII. Толстой.

» III. Достоевскій.

» IX. Писатели-народники.



a 00003 027281

1.

Мы подходимъ къ началу XIX столѣтія. Къ этому времени многое уже измѣнилось. Иными стали читатели; другою—литература.

Теперь уже не одни только сановники, толпившіеся у престола, читали книги. Не только между ними были образованные люди. Въ дворянскихъ усадьбахъ, далеко отъ столицъ, уже говорили о литературѣ, уже интересовались поэзіей и много читали. Существовали цѣлыя дворянскія «гнѣзда», гдѣ съ большимъ интересомъ обсуждали вопросы религіи, науки и литературы, гдѣ и мужчины, и женщины были по тогдашнему времени очень образованы, знали иностранные языки, читали иностранныя книги.

Это знаніе иностранныхъ языковъ было, пожалуй, тогда болѣе необходимо для образованія, чѣмъ теперь. Плохи или хороши были учебныя заведенія, куда отправляли мальчиковъ для обученія, но иностранные языки въ большинствѣ случаевъ преподавались такъ, что имъ можно было научиться. По большей части ученики научались и читать, и говорить по-французски и по-нѣмецки. Многіе знали и англійскій языкъ.

Между знающимъ и незнающимъ иностранные языки въ то время была огромная разница. Первому было открыто то, что для второго оставалось тайной. Бѣдна еще была русская литература, мало было переводовъ съ другихъ языковъ; читать, поучаться, наслаждаться чтеніемъ не представлялось большой возможности. Мало было переводовъ съ иностраннаго. Новиковымъ было затѣяно это ознакомленіе русскихъ съ иностранной литературой при помощи переводовъ, но, какъ уже было указано, дѣятельность Новикова скоро оборвалась.

Совсѣмъ не въ томъ положеніи былъ человѣкъ, знакомый съ чужими языками. Передъ нимъ была богатая литература Запада,—французская, нѣмецкая, англійская. Много интереснаго въ ней было; много удовольствія можно было изъ нея почерпнуть. То, о чемъ и не помышлялъ русскій полуобразованный человѣкъ, дѣлалось пріобрѣтеніемъ знающаго иностранную литературу. Онъ сразу становился гражданиномъ всего міра, участникомъ жизни всей

Европы,—человѣкомъ, видящимъ то, что для большинства его соотечественниковъ закрыто непроницаемой завѣсой. Понятно, что въ пансіонахъ, въ учебныхъ заведеніяхъ, въ дворянскихъ семьяхъ тѣмъ или другимъ способомъ старались научить чужому языку. Понятно, почему поэты этого времени, наиболѣе выдающіеся литераторы, люди, стремившіеся къ знанію, прежде всего спѣшили получить оружіе для пріобрѣтенія этихъ знаній, и первымъ оружіемъ было ознакомленіе съ иностранными языками.

Само собой разумѣется, что далеко не всѣ знающіе французскій и нѣмецкій языки пользовались ими для пріобрѣтенія знаній и для ознакомленія съ богатой литературой Запада. Очень многіе стремились ухватить только верхушки знанія, не проникали глубже въ науку и въ литературу. Они пользовались иностранными языками только для того, чтобы показать свое отличіе отъ другихъ людей и хвастаться «образованіемъ», котораго въ дѣйствительности не было. Такихъ людей много осмѣивали журналы, издаваемые Новиковымъ и другими лицами, и позднѣе мы познакомимся съ тѣмъ, что журналы ставили въ вину этимъ верхоглядамъ и «щеголямъ». Но теперь мы говоримъ не о нихъ. Мы имѣемъ въ виду тѣхъ, которые интересовались чужой литературой, для которыхъ знаніе иностраннаго языка открывало входъ въ новыя области.

Если между образованнымъ человѣкомъ, хорошо знакомымъ съ литературой чужихъ странъ, и полуобразованнымъ, не умѣвшимъ воспользоваться знаніемъ языковъ для своего образованія, разница была велика, то еще больше была она между этими образованными и окружавшими ихъ сосѣдями. Хорошій обѣдъ, грубыя удовольствія въ родѣ игры въ карты, псовой охоты, поѣздки къ сосѣдямъ для совмѣстной выпивки,—вотъ всѣ радости помѣщичьей жизни того времени.

Совсѣмъ иною представлялась жизнь образованной дворянской семьи, жившей гдѣ-нибудь въ Тульской губерніи, какъ, напримѣръ, той семьи, въ которой воспитывался замѣчательный поэтъ Жуковскій. Здѣсь вся жизнь была пропитана какимъ-то особымъ интересомъ къ вопросамъ литературы, поэзіи, религіи, отношенія человѣка къ человѣку. Какой-то особой мягкостью были проникнуты отношенія членовъ семьи другъ къ другу. Мальчики, которыхъ отдавали въ учебное заведеніе, возвратясь оттуда, надолго сохраняли привязанность къ своимъ товарищамъ, переписывались съ ними, поддерживали другъ-друга въ жизненныхъ непріятностяхъ. Не находя интереса въ общеніи съ окружающими грубыми сосѣдями, они тѣмъ съ большей радостью сохраняли дружбу къ тѣмъ, въ комъ находили откликъ своимъ мыслямъ и чувствамъ. Высоко цѣнили они чувство дружбы,—и изъ наиболѣе выдающихся писателей этого времени каждый имѣлъ друга, котораго любилъ самой искренней любовью. Карамзинъ имѣлъ близкаго друга Петрова, молодой Жуковскій былъ связанъ очень нѣжной дружбой съ Андреемъ Тургеневымъ.

Образовывались маленькіе тѣсные кружки людей, одинаково мыслящихъ, одинаково заинтересованныхъ въ литературѣ, религіозныхъ вопросахъ, въ вопросахъ о собственномъ лучшемъ отно-

шеніи къ людямъ. Если вы подробнѣе ознакомитесь съ описаніемъ жизни Жуковскаго, если вы прочтете письма, которыя онъ писалъ своимъ друзьямъ или которыя они писали ему, вы увидите, съ какою любовью они относились другъ къ другу, съ какимъ интересомъ узнавали о литературныхъ работахъ, мысляхъ и намѣреніяхъ другъ-друга. «Будемъ, сколь можно, дѣлать добро, будемъ полезны, сколько можемъ»,—писалъ Жуковскому одинъ изъ его товарищей. Эти письма сохранялись каждымъ и въ трудныя минуты жизни перечитывались.

А трудныя минуты, конечно, бывали. Помимо того, что жизнь для человѣка совѣстливаго и честнаго не легка, помимо того, что надо много усилій, чтобы вести ее такъ, какъ подсказываетъ совѣсть,—въ это время жизнь была тяжела и потому, что человѣку, думавшему не объ однѣхъ матеріальныхъ выгодахъ, некуда было обратиться, не съ кѣмъ было общаться, кромѣ очень небольшого кружка близкихъ людей. Къ этому времени уже прекратилось то снисходительное отношеніе царской власти къ мыслямъ о коренныхъ реформахъ русской жизни, которое было въ началѣ царствованія Екатерины: уже осужденъ и сосланъ былъ Радищевъ, уже былъ заточенъ въ крѣпость Новиковъ. Общественная самодѣятельность преслѣдовалась; самое слово «общество», какъ утверждаютъ изслѣдователи, почти не встрѣчалось въ литературѣ.

Куда могла направиться при такихъ обстоятельствахъ мысль людей образованныхъ и любящихъ литературу? Она должна была только сильнѣе привязаться къ тѣмъ удовольствіямъ, которыя можетъ дать книга. Что изъ книги могли они взять за образецъ для своей литературной дѣятельности? Вѣдь не могли же они вернуться къ похвальнымъ одамъ Ломоносова или повторять за Державинымъ его восторги передъ достоинствами высокихъ особъ. И кругъ читателей былъ иной въ это время, и желанія самихъ писателей направлялись въ другую сторону. Не для трона и не для придворныхъ приходилось теперь писать. Въ далекихъ усадьбахъ, въ губернскихъ и въ уѣздныхъ городахъ, въ учебныхъ заведеніяхъ уже образовались группы читателей, которые ждали печатнаго слова, которые понимали поэзію, какъ нѣчто, доставляющее наслажденіе само по себѣ, независимо отъ всякихъ восхваленій, обращенныхъ къ высокопоставленнымъ лицамъ. Желали эти читатели найти въ словахъ поэта свои чувства, красиво выраженныя и правдиво представленныя. Нельзя было такихъ читателей удовлетворить однимъ содержаніемъ ломоносовскихъ или державинскихъ одъ, торжественной величавостью, имѣвшей слишкомъ малое отношеніе къ жизни читателя. Ложно-классическая напыщенность становилась тягостна для человѣка, жаждавшаго удовлетворенія души. Подражаніе древней литературѣ не удовлетворяло. Если подражать, то уже скорѣе чему-нибудь болѣе близкому къ мыслямъ образованнаго русскаго человѣка того времени.

Чему же? Изъ литературныхъ направленій, бывшихъ въ ходу на Западѣ Европы, что̀ съ наибольшей охотой должны были усвоить себѣ въ это время наши поэты? Могли ли они привязаться къ направленію, настаивавшему на энергичномъ общественномъ

переустройствѣ,—къ направленію, продолжавшему осмѣяніе и осужденіе существующихъ порядковъ? Такого рода дѣятельность была недопустима уже по однимъ полицейскимъ запрещеніямъ. А въ публикѣ въ это время было мало людей, которые могли бы сочувствовать такимъ мыслямъ: очень ужъ тѣсенъ былъ кружокъ культурныхъ людей, очень ужъ тихо и устойчиво тянулась жизнь тѣхъ, кто хоть немного прикоснулся къ грамотѣ.

Могли ли поэты вносить въ свои произведенія какія-нибудь бурныя требованія, пламенныя страсти, что-нибудь грубое и разрушительное? Тоже нѣтъ: грубое и разрушительное они видѣли около себя, въ тѣхъ невѣжественныхъ сосѣдяхъ, къ которымъ не лежало ихъ сердце. Ихъ вкусы тянулись къ тому литературному направленію, которое наиболѣе отвѣчало ихъ душевному настроенію, которое отводило много мѣста дружбѣ, которое цѣнило доброту сердца, нѣжную чувствительность души, настроеніе религіозное. Посреди окружающей грубости и невѣжества, при условіяхъ, запрещающихъ дѣятельную борьбу съ ними, душа этихъ людей влеклась къ тому, чтобы себя самихъ оградить отъ невѣжественной грубости. Они стремились къ тому, чтобы не допускать въ свою душу ничего похожаго на ненавистныя имъ свойства. Въ себѣ самихъ они старались развить чувства, противоположныя этимъ грубымъ и невѣжественнымъ побужденіямъ. И въ свою литературную дѣятельность писатели этого круга желали внести ту же любовь къ мягкимъ, человѣчнымъ побужденіямъ. Они невольно преувеличивали эту мягкость чувствъ, эту нѣжность обращенія. Ихъ литературное направленіе стало *сантиментальнымъ*.

Что это такое? Было бы долго разсказывать въ подробностяхъ, какъ зародился *сантиментализмъ* на Западѣ и чѣмъ было вызвано тамъ его появленіе. Попробуемъ коротко объяснить это примѣромъ.

Возьмемъ самый обыденный примѣръ. Положимъ, къ вамъ обращается нищій. Вы подаете ему кусокъ хлѣба или деньги, — что есть у васъ. Почему вы ему подали? Вамъ кажется: вы подали нищему потому, что онъ бѣдный, ему нечего ѣсть, — вамъ его *жалко*. Но другой человѣкъ можетъ объяснить ваше подаяніе иначе. Онъ скажетъ: вы подали нищему потому, что вамъ *выгоднѣе* подать ему, чѣмъ отказать, — если ни вы, ни кто-либо другой не подадутъ, то нищій украдетъ у васъ болѣе, чѣмъ вы ему даете. Значитъ, подаете вы нищему (утверждаетъ этотъ другой) не потому, что жалѣете его, а потому, что находите это выгоднымъ для себя.

Возьмемъ другой примѣръ. Вы видите, что кто-то на улицѣ везетъ очень тяжелую поклажу и на бугоркѣ останавливается: силъ везти дальше нѣтъ,—одинъ онъ не можетъ справиться. Вы беретесь за веревку вмѣстѣ съ нимъ и тащите, и напрягаетесь, и помогаете перейти трудный бугорокъ. Почему вы это дѣлаете? Опять-таки вамъ кажется, что дѣлается это изъ-за *жалости* къ человѣку, который выбился изъ силъ и которому, по вашему мнѣнію, необходимо помочь. А вотъ другой, смотрящій на васъ человѣкъ скажетъ: нѣтъ, не отъ того вы помогаете, что жалко,—

вы схватываетесь за веревку и тащите тяжелую поклажу потому, что хотите помощи со стороны другихъ для себя, если вы будете въ такомъ же положеніи.

Или еще примѣръ. У васъ есть пріятель, съ которымъ вы очень дружны. Допустимъ, что съ нимъ случилась бѣда: онъ заболѣлъ, потерялъ мѣсто, семья бѣдствуетъ. Надо найти для него доктора; надо хлопотать, чтобы по выздоровленіи онъ нашелъ себѣ мѣсто; надо временно пріютить семью. Допустимъ, что вы все это стараетесь сдѣлать: вы бѣгаете за докторомъ, хлопочете, даете, можетъ-быть, кое-что изъ своихъ средствъ, устраиваете у себя его семью. Вы несомнѣнно терпите изъ-за этого лишенія: свои дѣла стоятъ, отъ переѣхавшей семьи въ домѣ тѣсно, вы устаете. И однако вы все это дѣлаете. Почему? Потому что, кажется вамъ, вы *любите* этого своего пріятеля. Но смотрящій со стороны человѣкъ скажетъ: онъ дѣлаетъ услуги своему пріятелю, потому что для него самого было бы непріятно видѣть близкаго человѣка безъ помощи; значитъ онъ хочетъ спокойствія *для себя*.

Понимаете ли вы разницу между обоими объясненіями? Одинъ говоритъ: *жалко, люблю;* другой объясняетъ: *выгодно, полезно для себя*. Одинъ находитъ, что человѣкъ въ своихъ дѣйствіяхъ сообразается съ *чувствомъ*, которое онъ испытываетъ; другой говоритъ: нѣтъ, человѣкъ руководится исключительно выгодой, разсчетомъ, *разсудкомъ*. И вотъ этотъ другой всюду будетъ искать не расположенія, не любви, а матеріальныхъ причинъ: денежной или какой-нибудь другой выгоды. Если вы растроганы какимъ-нибудь событіемъ или какимъ-нибудь зрѣлищемъ, — вы скажете, что это объясняется нашимъ чувствомъ благоговѣнія къ этому событію или зрѣлищу; а этотъ другой человѣкъ скажетъ, что вы растроганы и готовы плакать потому, что слабы отъ безсонной ночи или мало ѣли, или заболѣваете. И если этотъ другой будетъ достаточно уменъ и находчивъ, онъ всѣмъ нашимъ поступкамъ, всѣмъ поступкамъ людей, всѣмъ движеніямъ души найдетъ матеріальную основу. Кое-въ-чемъ онъ будетъ правъ; кое-что и, можетъ-быть, даже многое въ его объясненіяхъ будетъ справедливо, будетъ основано на научныхъ доводахъ. Своими объясненіями, если онъ васъ убѣдитъ, онъ подорветъ вашу вѣру въ любовь, въ дружбу, въ безкорыстныя движенія души, можетъ-быть, даже въ Бога.

И именно потому, что въ его объясненіяхъ много справедливаго, онъ и убѣдителенъ. Но онъ принимаетъ во вниманіе только одну сторону человѣческаго существа,—только разсудокъ; онъ забываетъ то, что въ общежитіи называется «сердцемъ». Вѣдь не однимъ же разсчетомъ живетъ человѣкъ. Всѣ мы чувствуемъ въ своей душѣ какое-то особенное чувство, когда совершаемъ то, что намъ кажется «добрымъ дѣломъ». Это чувство совсѣмъ не похоже на то, которое испытываешь, когда занимаешься своей выгодой. Сколько ни доказывай матери, что она любитъ своихъ дѣтей, потому что ей выгодно ихъ любить,—она-то чувствуетъ къ нимъ любовь и ради этой любви подвергаетъ себя всевозможнымъ лишеніямъ, не доѣдаетъ не досыпаетъ, отдаетъ все свое. Христіанинъ

въ былыя времена съ радостью умиралъ за вѣру. Можно и въ его дѣйствіяхъ подыскать причину въ личномъ разсчетѣ; но для него самого вѣра и влеченіе къ Богу, а не собственная выгода были руководителями дѣйствій. То, чѣмъ онъ жилъ, во имя чего дѣйствовалъ, было не въ разсудкѣ, а въ пламенномъ чувствѣ, въ радости общенія съ Богомъ, въ радости жертвы и подвига ради великой вѣры. Любовь, дружба, вѣра въ Бога, вѣрность солдата отечеству,—все это, какъ ни объясняй разсудочными побужденіями, испытывается какъ чувство, а не какъ разсчетъ. И когда, объясняя человѣческія дѣйствія, это чувство забываютъ или оставляютъ въ сторонѣ, тогда производятъ насиліе надъ человѣческой природой. А всякое насиліе вызываетъ противодѣйствіе.

Вотъ такое насиліе и такое противодѣйствіе было и въ литературѣ Западной Европы того времени. Были тамъ ученія, ставившія на первое мѣсто разумъ и его способность объяснять всѣ явленія матеріальными причинами. Много вѣрнаго было въ этихъ ученіяхъ; много заслугъ передъ человѣчествомъ имѣли писатели, ихъ распространившіе; но своей односторонностью и, слѣдовательно, неполной вѣрностью они утомили многихъ. Потребовалось иное; образовалось противоположное направленіе, ставившее на первое мѣсто въ человѣческихъ дѣйствіяхъ чувство,—чувство человѣка къ людямъ, къ природѣ, къ Богу, къ самому себѣ. Желая противодѣйствовать прежнему и рѣзче заявить о новомъ ученіи, его преувеличивали, и потому чувства, выражавшіяся новымъ литературнымъ направленіемъ, становились особенно мягкими, чрезмѣрно нѣжными; люди, изображавшіеся писателями, были необыкновенно чувствительны, и въ читателѣ старались вызвать настроеніе чувствительное, со слезами радости, скорби или умиленія.

Понятно, что приведенные примѣры не вполнѣ передаютъ причины происхожденія *чувствительной* или *сантиментальной* литературы на Западѣ. Но кое-что, главное, въ нихъ можно найти.

Если вы вспомните, что было сказано раньше объ условіяхъ, въ какихъ жили въ это время наши образованные молодые люди, какими чувствами дружбы они были связаны между собой, какія мысли ихъ занимали, то вы поймете, что въ сантиментальной, въ чувствительной литературѣ они нашли какъ-разъ то, что отвѣчало ихъ настроенію. Преувеличенная чувствительность, стремленіе къ дружбѣ, желаніе совершенствоваться, мягкость, нѣжность,—таковы были ихъ свойства, и таковы же были требованія сантиментальной литературы. Мысли о Богѣ, о божественныхъ чертахъ въ человѣкѣ, объ единеніи людей и отсутствіи вражды между ними были ихъ мыслями и въ то же время требованіями сантиментальной литературной школы.

Понятно, что въ это время сантиментализмъ сталъ самымъ распространеннымъ и самымъ излюбленнымъ направленіемъ въ нашей литературѣ. Тѣмъ болѣе, что онъ нашелъ очень талантливыхъ писателей, стремившихся своими произведеніями вызывать въ читателяхъ чувства, наиболѣе цѣнимыя сантиментальной школой.

Однимъ изъ самыхъ выдающихся писателей, познакомившихъ

русскую литературу съ сантиментальнымъ направленіемъ, былъ *Николай Михайловичъ Карамзинъ.*

2.

Не стану подробно разсказывать о жизни Карамзина. Обычныя впечатлѣнія дѣтства въ средней помѣщичьей семьѣ; обычное для образованнаго круга того времени раннее опредѣленіе мальчика въ столичное учебное заведеніе; малое пріобрѣтеніе въ наукахъ, но хорошее ознакомленіе съ иностранными языками. По окончаніи курса Карамзинъ недолго служилъ военнымъ, недолго проживалъ дома въ Симбирской губерніи, затѣмъ переѣхалъ въ Москву и познакомился съ такъ-называемымъ «Дружескимъ Обществомъ», гдѣ принималъ участіе Новиковъ. Онъ познакомился и съ самимъ Новиковымъ,—и эти знакомства имѣли большое вліяніе на пополненіе образованія Карамзина. Онъ много читалъ, много переводилъ для изданій Новикова. Уже образованнымъ и много знавшимъ, хотя и очень молодымъ человѣкомъ (ему было 23 года), Карамзинъ поѣхалъ за границу. Тамъ онъ познакомился съ новыми для него условіями жизни, съ порядками, которые были ему извѣстны только по книгамъ, съ интересными людьми, съ незнакомой природой. Оттуда онъ вынесъ свѣжія впечатлѣнія и вполнѣ опредѣленные литературные вкусы.

Возвратясь изъ-за границы, онъ сталъ издавать «Московскій Журналъ», гдѣ помѣстилъ разсказъ о своемъ путешествіи за границей подъ названіемъ «Письма русскаго путешественника» и нѣсколько повѣстей. И «Письма», и повѣсти сразу сдѣлали его имя извѣстнымъ читателямъ, сразу привлекли къ нему ихъ сочувствіе.

Что было въ «Письмахъ» и почему они такъ понравились читающимъ?

И «Письма», и повѣсти Карамзина знакомили читателей съ совершенно новымъ для нихъ міромъ. И не потому только новымъ, что Карамзинъ описывалъ въ своихъ «Письмахъ» страны мало извѣстныя, порядки незнакомые, жизнь чужую и интересную. Конечно, было и это; конечно, «Письмами» Карамзинъ значительно увеличилъ образованіе тогдашняго читателя. Но, помимо этого, новое открывалось читателямъ въ самой манерѣ описаній Карамзина, въ его собственномъ отношеніи къ тому, что онъ видѣлъ, въ тѣхъ чувствахъ, которыя онъ вызывалъ передъ читателями. Не надо забывать, что въ литературномъ произведеніи важное значеніе имѣетъ не только то, о чемъ пишется, но и какъ пишется. Помимо таланта, важно отношеніе писателя къ описываемому, важно чувство, которое онъ испытываетъ и которое, благодаря своему таланту, передаетъ читателю. У Карамзина читатели заимствовали чувство, которое имъ было ново и которое они испытывали съ радостью.

Несмотря на свою молодость Карамзинъ поѣхалъ за границу, какъ мы сказали, съ опредѣленными литературными вкусами и общественными взглядами. Уже полученное образованіе дополнялъ

онъ за границей, встрѣчаясь съ писателями, чьи сочиненія дома были для него источниками знанія и литературныхъ стремленій. Какъ образованный человѣкъ, онъ видѣлъ и понималъ въ заграничной жизни многое, что ускользнуло бы отъ глазъ менѣе образованнаго и менѣе свѣдущаго человѣка. Но какъ человѣкъ, имѣющій опредѣленные вкусы, онъ оставлялъ въ сторонѣ и обходилъ многое для него неинтересное. Поэтому въ его «Письмахъ» отразилось его собственное отношеніе къ тому, что онъ видѣлъ, и это отношеніе особенно цѣнилось читателями.

Еще въ Россіи изъ знакомства съ иностранной литературой получилъ Карамзинъ тяготѣніе къ сантиментализму. Еще до отъѣзда за границу онъ цѣнилъ въ человѣкѣ и въ человѣческихъ отношеніяхъ главнымъ образомъ «чувствительность». Болѣе всего любилъ онъ въ людяхъ «жизнь сердца», т. е. нѣжность въ отношеніяхъ, ласковость, отсутствіе грубости, насилій, умиленіе передъ красотами природы, передъ благостью Бога. Онъ не цѣнилъ или былъ равнодушенъ ко всему, что требовало борьбы, усилій, энергичной дѣятельности. Если нужно усиліе, то, по его мнѣнію, оно должно быть направлено противъ того зла, которое есть въ самомъ человѣкѣ: совершенствоваться, исправляться, искоренять въ себѣ самомъ зло,—вотъ высшая, вотъ *нравственная* задача человѣка.

И въ путешествіи своемъ Карамзинъ искалъ главнымъ образомъ удовлетворенія этой своей сантиментальной потребности. Онъ пріѣхалъ, напримѣръ, во Францію во время революціи (въ 1790-мъ году), но борьба общественная его заинтересовала мало и почти не отразилась въ «Письмахъ». Почти не отразилась въ «Письмахъ» и жизнь разныхъ видѣнныхъ имъ народовъ въ ея глубинахъ. Но за-то онъ далъ русскому читателю любовное изображеніе внѣшней стороны заграничной жизни и природы, отмѣтивъ въ ней особенно ласковыми описаніями то, что отвѣчало сантиментальному строю его души. «Прекрасный лужокъ, прекрасная рощица, прекрасная женщина,—однимъ словомъ, все прекрасное меня радуетъ, гдѣ бы и въ какомъ бы видѣ ни находилъ его». Восторженное настроеніе охватывало его во многія минуты его путешествія. Онъ входилъ, напримѣръ, въ храмы, поражался ихъ величіемъ, красотой службы, торжественными звуками органа, благоговѣніемъ молящихся, и тотчасъ восторженное волненіе охватывало его. «Мнѣ казалось, что я вступилъ въ міръ Ангельскій и слышу гласы блаженныхъ Духовъ, славословящихъ Неизреченнаго. Ноги мои подогнулись; я сталъ на колѣни и молился отъ всего сердца». Онъ смотрѣлъ, напримѣръ, на берега красивой рѣки, на разстилавшіяся по ея теченію роскошныя поля, и волненіе его становилось до такой степени сильно, что онъ плакалъ отъ восторга: «я смотрѣлъ и наслаждался,—смотрѣлъ, радовался и даже плакалъ... Едва ли когда-нибудь чувствовалъ такъ живо, что мы созданы наслаждаться и быть счастливыми, и едва ли когда-нибудь въ сердцѣ своемъ былъ такъ добръ и такъ благодаренъ противъ моего Творца, какъ въ сіи минуты. Мнѣ казалось, что слезы мои льются отъ живой любви къ самой Любви и что онѣ должны смыть нѣкоторыя черныя пятна въ книгѣ жизни моей».

Вотъ этой способностью вызывать въ себѣ самомъ особую радостную чувствительную жизнь Карамзинъ и плѣнилъ читателей своего времени. Это дѣйствительно былъ для нихъ новый міръ, открытый ими въ себѣ самихъ,—міръ, незасимый отъ того новаго внѣшняго міра, который изображали «Письма» Карамзина всѣмъ, кто не былъ знакомъ съ заграничной жизнью. Для людей, видѣвшихъ около себя только интересъ къ матеріальнымъ выгодамъ, слышавшимъ только разговоры о наживѣ, объ игрѣ въ карты, объ охотѣ, о сосѣднихъ ссорахъ и сплетняхъ,—для людей, желавшихъ иного, Карамзинъ далъ много, и въ этомъ его несомнѣнная заслуга передъ русскимъ обществомъ и русской литературой.

Заслуга была и за его повѣстями. Ихъ было нѣсколько, но особый успѣхъ имѣли двѣ: «Бѣдная Лиза» и «Наталья боярская дочь». Въ нихъ та же чувствительность, которая составляла одну изъ главныхъ особенностей «Писемъ русскаго путешественника. Пожалуй, она еще больше. Грустныя слезы о судьбѣ бѣдной Лизы лили читатели; радостно плакали они, читая о подвигахъ Натальи, боярской дочери, и ея мужа. Въ послѣдней повѣсти, какъ видно изъ самаго заглавія, главнымъ лицомъ является дочь боярина. Въ первой Карамзинъ говоритъ о крестьянкѣ Лизѣ, жившей, по описанію Карамзина, въ окрестностяхъ Москвы, недалеко отъ Симонова монастыря. Хотя ни въ образѣ жизни, ни въ чувствахъ, ни въ семейныхъ отношеніяхъ Лизы нѣтъ ничего, что дѣйствительно походило бы на жизнь крестьянъ, но самое желаніе заинтересовать читателя судьбою крестьянки было уже не совсѣмъ обычно для того временн. Карамзинъ наградилъ свою Лизу и мать ея чувствами, которыя онъ желалъ бы вызвать въ своихъ читателяхъ. Нѣтъ спора, что въ этой повѣсти не было почти ничего, похожаго на дѣйствительность, но добрыя чувства къ обиженнымъ, сочувствіе къ страдающимъ Карамзинъ стремился вызвать и дѣйствительно вызвалъ въ читателяхъ. Лиза, бѣдная крестьянская дѣвушка, жила съ матерью трудами рукъ своихъ: «Не щадя своей нѣжной молодости, не щадя рѣдкой красоты своей, трудилась день и ночь—ткала холсты, вязала чулки, весною рвала цвѣты, а лѣтомъ брала ягоды и продавала ихъ въ Москвѣ». Во время одной изъ прогулокъ въ Москву она встрѣтила молодаго человѣка, который ей сразу понравился и который полюбилъ ее. Молодой человѣкъ, Эрастъ, «былъ довольно богатый дворянинъ, съ изрядымъ разумомъ и добрымъ сердцемъ, добрымъ отъ природы, но слабымъ и вѣтреннымъ». Недолго продолжалась ихъ любовь: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Эрастъ оставилъ Лизу, и, въ отчаяніи отъ его обмана, Лиза бросилась въ прудъ и утонула. Ея мать, узнавъ о страшной смерти дочери, умерла. «Хижина опустѣла. Въ ней воетъ вѣтеръ, и суевѣрные поселяне, слыша по ночамъ сей шумъ, говорятъ: Тамъ стонетъ мертвецъ, тамъ стонетъ бѣдная Лиза».

Такова исторія бѣдной Лизы. Для насъ, читающихъ теперь повѣсть Карамзина, она не представляетъ почти никакого интереса. Въ ней нѣтъ никакого подобія дѣйствительности. Лиза не похожа на крестьянку; ея мать то же; жизнь ихъ не крестьянская:

между чувствами Лизы и той дѣйствительной обстановкой, въ которой могла бы протекать жизнь тогдашней крестьянской семьи, нѣтъ никакой связи. Все выдумано. И тѣ упреки, которые теперь дѣлаются «Бѣдной Лизѣ», вполнѣ справедливы. Но обратите вниманіе на то, что было тогда, и вы увидите заслугу Карамзина передъ русской литературой и передъ русскимъ обществомъ.

Бываютъ времена, когда задачей писателя является пробужденіе въ читателяхъ чувствъ дѣятельныхъ, мыслей, побуждающихъ къ энергіи. Бываютъ времена, когда измѣненіе существующихъ несправедливостей можетъ быть достигнуто только пробужденіемъ въ обществѣ протеста, т. е. энергичнаго возмущенія этими несправедливостями. Общество готово къ нему и какъ бы только ждетъ призыва, только желаетъ услышать вдохновенный кличъ писателя. Въ такое время «Бѣдная Лиза» была бы совсѣмъ не ко двору, и вліяніе писателя и значеніе его въ литературѣ было бы ничтожно.

Но бываютъ другія времена, когда общество цѣликомъ занято мелкими заботами дня, когда для него ни поэзія, ни возвышенныя чувства, ни мысли о человѣческомъ достоинствѣ почти не существуютъ. Къ какой общей дѣятельности можно призывать такихъ людей? Какимъ изображеніемъ дѣйствительности можно ихъ тронуть? Надо предварительно воспитать ихъ; надо вызвать въ нихъ склонность къ тому, чтобы оцѣнивать собственныя чувства, чтобы въ своей душѣ находить радость и наслажденіе. Надо пріучить читателей къ погруженію въ самихъ себя, къ тому, чтобы, оторвавшись отъ помысловъ объ ежедневныхъ мелочахъ жизни, они могли сосредоточиться на своемъ душевномъ мірѣ. Вѣдь для того, чтобы взвѣшивать правильность или неправильность своихъ поступковъ и своихъ намѣреній, человѣкъ долженъ пріучиться цѣнить одни чувства въ себѣ больше, чѣмъ другія. И когда грубому, привыкшему только къ заботамъ о матеріальномъ благополучіи человѣку вы даете вкусъ къ чувствамъ дружбы, любви, къ мягкости обращенія, когда вы развиваете въ немъ влеченіе къ красотамъ природы, къ прелести литературнаго произведенія,—вы несомнѣнно приближаете его къ пониманію истинно-поэтическихъ вещей, вы служите для воспитанія въ немъ человѣка. Вы увеличиваете его будущія радости и создаете для него въ настоящемъ возможность большихъ наслажденій.

Такова была заслуга Карамзина. Какъ бы мало ни трогала насъ теперь судьба бѣдной Лизы, несомнѣнно, повѣсть Карамзина была важнымъ шагомъ въ развитіи русской литературы. Читатель образованный увидалъ возможность получать отъ русской литературы тѣ же удовольствія, которыя давала ему до той поры только иностранная литература. Читатель, мало знакомый или совсѣмъ незнакомый съ чужеземными писателями, впервые понялъ, что въ литературѣ заключается великое средство для увеличенія радостей жизни.

За Карамзинымъ числятся еще заслуги, кромѣ тѣхъ, о которыхъ здѣсь было говорено. Онъ написалъ «Исторію государства Россійскаго» которая разсматривалась его современниками, какъ

замѣчательный трудъ. Позднѣе она утеряла прежнее значеніе, но подробно говорить о ней здѣсь мы не можемъ потому, что она относится не къ исторіи литературы, а къ исторіи государства.

Но въ области литературной Карамзинъ сдѣлалъ и еще одно большое дѣло. Онъ придалъ и русскому языку, и содержанію литературныхъ произведеній гораздо большую простоту, чѣмъ это было до него. Онъ избавилъ русскій литературный языкъ отъ тѣхъ славянскихъ примѣсей, которыя оставались въ немъ, несмотря на дѣятельность писателей конца XVIII вѣка. Вслѣдствіе этого литературный языкъ приблизился къ общей разговорной рѣчи; онъ сталъ богаче, способнѣе къ выраженію болѣе тонкихъ движеній души. Признавая огромныя заслуги Карамзина передъ русской литературой, Пушкинъ писалъ: «Карамзинъ освободилъ языкъ отъ чуждаго ига и возвратилъ ему свободу, обратилъ его къ живымъ источникамъ народнаго слова».

Но для усовершенствованія языка и для воспитанія читателя еще больше сдѣлалъ Жуковскій.

3.

И внѣшняя жизнь, и душа, и творчество *Василія Андреевича Жуковскаго* до такой степени слиты, такъ естественно связаны между собой, что ихъ отдѣлить нельзя. Познакомясь съ условіями, въ которыхъ онъ жилъ, какъ бы заранѣе предсказываешь его душевныя желанія; узнавъ эти желанія, чувствуешь, какъ долженъ былъ писать Жуковскій, что главнымъ образомъ могла выражать его поэзія, къ какимъ чувствамъ читателей онъ обращался.

Все въ той обстановкѣ, гдѣ онъ жилъ, было далеко отъ грубостей и непріятныхъ столкновеній. И къ нему хорошо относились, и онъ былъ мягокъ и кротокъ съ другими, и все-таки грустно складывалась его жизнь.

Былъ онъ незаконнымъ сыномъ помѣщика Бунина и плѣнной турчанки (родился въ 1783 году). Воспитывался въ семьѣ отца, какъ родной сынъ, пользовался общей любовью; но уже съ дѣтства, по крайней чувствительности и деликатности своей природы, сталъ понимать неправильность своего положенія въ семьѣ и болѣзненно чувствовать ее. Онъ видѣлъ, что настоящая мать его, турчанка, не пользуется всѣми правами, которыми располагаютъ другіе члены семьи, что она не на одномъ положеніи съ ними. И хотя къ маленькому Жуковскому всѣ относились ласково и любовно, онъ не могъ не чувствовать нѣкоторой неправильности въ положеніи матери и въ своемъ собственномъ положеніи. Съ дѣтства онъ былъ грустенъ, съ дѣтства сталъ чувствителенъ къ внѣшнимъ грубостямъ, съ дѣтства оцѣнилъ мягкость обращенія и деликатность чувства.

Мальчишескихъ игръ, всегда воинственныхъ и грубыхъ, онъ не зналъ. Въ домѣ отца, потомъ въ домѣ крестной матери, въ Тулѣ, куда онъ переселился еще мальчикомъ, онъ былъ окруженъ только дѣвочками, зналъ только нѣжное, мягкое женское обращеніе, росъ, далекій отъ грубыхъ удовольствій, которыми жили многіе мальчики его лѣтъ.

Въ домѣ его крестной матери собирались очень образованные люди, слышались интересные разговоры. Жуковскій привыкъ вслушиваться въ нихъ, привыкъ интересоваться литературой, задумываться надъ религіозно-нравственными вопросами, надъ мыслями о совершенствованіи человѣка. Житейскіе помыслы о денежныхъ выгодахъ, о грубыхъ удовольствіяхъ были далеки отъ этого кружка.

И когда, съ проснувшимся уже интересомъ къ литературѣ и религіознымъ вопросамъ, поступилъ Жуковскій въ московскій Благородный пансіонъ, онъ нашелъ здѣсь учителей и товарищей, о которыхъ сохранилъ потомъ самое лучшее воспоминаніе. Здѣсь онъ слышалъ тѣ же религіозно-нравственныя поученія, къ какимъ стремилась его собственная душа. Говорили о религіи, о вѣрѣ въ Бога, о необходимости для человѣка быть чище, лучше, достойнѣе своего человѣческаго званія. Говорили о литературѣ и пріучали любить ее. Здѣсь Жуковскій завелъ дружескія знакомства, полюбилъ своихъ товарищей. Учась въ Благородномъ пансіонѣ, онъ близко сошелся съ семьей Тургеневыхъ и сдѣлался ближайшимъ другомъ Андрея Тургенева, юноши даровитаго и обладавшаго такими же вкусами, какъ Жуковскій.

Когда ученіе было окончено, дружба съ Андреемъ Тургеневымъ продолжалась. Оба они цѣнили одинъ въ другомъ душу нѣжную и возвышенную; переписываясь, они разсказывали свои лучшія мечтанія, поддерживали другъ-друга въ стремленіяхъ улучшить душу, мечтали о будущемъ счастьѣ. Для Жуковскаго въ каждой жизненной непріятности отдохновеніемъ была бесѣда съ А. Тургеневымъ, на словахъ или въ письмѣ. Казалось, что, какъ бы тяжело ни сложились обстоятельства жизни въ будущемъ, эта дружба выручитъ и поддержитъ.

Но дружескимъ чувствамъ былъ нанесенъ тяжелый ударъ. Андрей Тургеневъ умеръ въ очень молодыхъ лѣтахъ. Жуковскій тосковалъ, и надолго на его мысли тяжелымъ камнемъ легла скорбь объ умершемъ другѣ.

Явилась любовь къ женщинѣ. Но и любви не суждено было порадовать сердце Жуковскаго. Онъ полюбилъ дочь своей сводной сестры Марью Андреевну Протасову. Полюбила и она его, но мать Марьи Андреевны нашла, что бракъ между ними невозможенъ вслѣдствіе ихъ родства. Молодые люди покорились, но грусть еще сильнѣе овладѣла душой Жуковскаго. Съ его нѣжнымъ сердцемъ, съ его вѣрностью лучшимъ чувствамъ, могъ ли онъ измѣнить своей любви? Могъ ли онъ забыть ту, съ которой его разъединили внѣшнія обстоятельства? Нѣтъ, онъ остался ей вѣренъ. Она вышла замужъ; тоска еще сильнѣе захватила Жуковскаго; но и тутъ любовь не прошла. Она не прошла даже тогда, когда, проживъ нѣсколько времени замужемъ, Марья Андреевна умерла. Это былъ новый ударъ для Жуковскаго, новая причина грусти.

Добавьте ко всему, что было разсказано,—къ внѣшнимъ обстоятельствамъ жизни, къ свойствамъ нѣжной и кроткой души Жуковскаго,—большой поэтическій талантъ, небывалый еще до того времени въ Россіи. Куда, кажется намъ, долженъ былъ направиться этотъ талантъ? Что должно было интересовать Жуковскаго,

какъ поэта? Что могло быть содержаніемъ его поэтическихъ произведеній? Какая литературная школа могла наиболѣе удовлетворять требованіямъ его души?

Вы видите, что это была натура не боевая, а мечтательная. Не сражаться за свое счастье, а мечтать о лучшей участи, воображать себя счастливымъ,—вотъ въ чемъ могъ онъ найти утѣшеніе. Нѣжныя и кроткія привычки, внушенныя ему съ дѣтства женскимъ обществомъ, въ которомъ онъ находился, побуждали его высоко цѣнить дружбу, тихую привязанность, душевную кротость. Неправильное положеніе матери, потеря друга, неудача любви наложили на всѣ его мысли и дѣйствія грустный оттѣнокъ. То общество, которое окружало его въ домѣ крестной матери, и общество учителей и товарищей Благороднаго университетскаго пансіона должны были привить ему и поддержать въ немъ интересъ къ вопросамъ религіознымъ, нравственнымъ, къ отысканію утѣшеній въ собственномъ душевномъ мірѣ.

Не кажется ли вамъ, что вся обстановка, весь складъ характера, всѣ обстоятельства жизни клонились къ тому, чтобы указать поэтическому таланту Жуковскаго одну дорогу, — дорогу сантиментализма? Припомните все то, что было сказано выше о сантиментализмѣ, и вы согласитесь, что если бы не было сантиментальнаго направленія въ иностранной литературѣ, и не было подражанія ей у насъ, Жуковскій самъ пошелъ бы по этой дорогѣ, самъ положилъ бы начало сантиментальному направленію. До такой степени весь складъ его души отвѣчалъ требованіямъ этой литературной школы.

И дѣйствительно, Жуковскій нашелъ свое поэтическое призваніе въ сантиментальномъ направленіи. Онъ далъ на этомъ пути русскому читателю новыя, неиспытанныя возможности наслажденій.

Новыя, неиспытанныя? Почему? Вѣдь Карамзинъ до него писалъ въ духѣ сантиментализма; вѣдь были и «Письма русскаго путешественника», и «Бѣдная Лиза», и «Наталья, боярская дочь»? Все было, и сантиментализмъ не съ Жуковскаго начался въ русской литературѣ. Но не было у Карамзина того богатаго поэтическаго таланта, который сразу захватилъ русскихъ читателей, не было той «плѣнительной сладости» стиховъ, которая таилась въ дарованіи Жуковскаго. Карамзинъ, примыкая къ сантиментализму, *зналъ* и *понималъ* его значеніе. Онъ *выбралъ* для себя этотъ путь. Жуковскій не столько даже понималъ, сколько *чувствовалъ* его, и не отдѣлялъ свое литературное творчество отъ влеченій своей души. Онъ жилъ въ своей поэзіи, въ ней находилъ утѣшеніе отъ жизненныхъ непріятностей. Тоскующая душа его нуждалась въ утѣшеніи и не могла найти его ни въ чемъ, кромѣ поэзіи. Какъ вѣрующій человѣкъ при жизненныхъ потеряхъ находитъ утѣшеніе только въ молитвѣ, только въ представленіи будущей загробной жизни, полной блаженства, такъ Жуковскій искалъ утѣшеній только въ поэзіи. Онъ не былъ бойцомъ. Бороться съ людьми, бороться съ жизненными препятствіями было не въ его характерѣ. Когда обстоятельства складывались не въ его пользу, это вызы-

вало въ немъ не озлобленіе, а печаль. Онъ не боролся, а покорялся и въ покорности видѣлъ долгъ человѣка. Но, и покорившійся, онъ не могъ не чувствовать тоску, а отъ тоски бѣжалъ къ поэзіи.

Конечно, онъ не повторялъ Карамзина, настолько не повторялъ, что многіе изслѣдователи смотрѣли на его произведенія не какъ на отголосокъ сантиментальныхъ вліяній; въ немъ видѣли другія вліянія, о которыхъ мы будемъ говорить позднѣе. По всему характеру, грустному и покорному, по своей искренности, наконецъ, по своей естественной плѣнительной сладости, его поэзія была самостоятельной и не похожей ни на что, что до нея было въ русской литературѣ.

Его поэзія не могла не быть грустной. Не могли въ ней не отражаться тѣ горечи, которыми снабжала его жизнь. Онъ любилъ друга, и другъ умеръ; любилъ дѣвушку, и дѣвушка принуждена была выйти за другого: Жуковскій страдалъ, и поэзія была единственной областью, гдѣ онъ могъ найти удовлетвореніе и своей жаждѣ любви, и своей нѣжности, и своей готовности покорно переносить сыпавшіеся на него удары. Для него дѣйствительность была слишкомъ тяжела, и онъ удалялся отъ нея въ ту область, гдѣ вымыселъ можетъ найти иные выходы, гдѣ царствуетъ красота, гдѣ нѣтъ препятствій благородному порыву, гдѣ власть поэта безгранична.

Онъ хотѣлъ уйти отъ дѣйствительности, но совершенно уйти не могъ. Скорбный осадокъ, остававшійся въ душѣ поэта, былъ перенесенъ и въ область поэзіи; но здѣсь Жуковскій находилъ звуки, примирявшіе его со скорбью. Среди произведеній Жуковскаго есть одно, постоянно припоминаемое, когда заходитъ рѣчь о взглядѣ Жуковскаго на жизненныя потери. Стихотвореніе это называется «Теонъ и Эсхинъ». Вотъ его содержаніе:

Послѣ долгихъ странствованій, поисковъ счастья и неудачъ, унылый и мрачный, возвращается Эсхинъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ прошла его юность.

Онъ долго по свѣту за счастьемъ бродилъ,—
Но счастье, какъ тѣнь, убѣгало...
Цвѣтъ жизни былъ сорванъ, увяла душа;
Въ ней скука смѣнила надежду...

И когда онъ дошелъ до своихъ мѣстъ и увидалъ ихъ, онъ почувствовалъ, что и эти мѣста не даютъ ему прежней радости и былой надежды:

Все тѣ же брега и поля и холмы,
И то же прекрасное небо;
Но гдѣ-жъ озарявшая нѣкогда ихъ
Волшебнымъ сіяньемъ надежда?

Надежды не было, и, усталый, много страдавшій и недовольный жизнью, Эсхинъ отыскалъ товарища юныхъ лѣтъ Теона, чтобы увидать болѣе довольнаго человѣка. Теонъ въ свое время былъ очень счастливъ. Онъ любилъ, его любили, но та, которая раздѣляла съ нимъ радости жизни, умерла. Ея гробъ находился невдалекѣ отъ жилища Теона. И несмотря на потерю взоръ Теона

былъ «прискорбенъ, но ясенъ». По его мнѣнію, «боги для счастья послали намъ жизнь», «и жизнь, и вселенна прекрасны». Конечно, судьба отняла у него любимую женщину и тѣмъ нанесла тяжелый ударъ; онъ страдаетъ. Но развѣ, отнявъ любимое существо, судьба отняла все, что связано съ этимъ существомъ? О, нѣтъ! Осталось воспоминаніе о минутахъ блаженства, осталась сама любовь, которая не проходитъ и исчезнуть не можетъ.

Что можетъ разрушить въ минуту судьба,
Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше;
Но сердца нетлѣнныя блага: любовь
И сладость возвышенныхъ мыслей,—
Вотъ счастье! О, другъ мой, оно—не мечта!
Эсхинъ, я любилъ и былъ счастливъ;
Любовью моя освѣтилась душа,
И жизнь въ красотѣ мнѣ предстала.
При блескѣ возвышенныхъ мыслей я зрѣлъ
Яснѣе великость творенья;
Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по землѣ
Къ прекрасной возвышенной цѣли.

И когда Эсхинъ потерялъ ту, которая вмѣстѣ съ нимъ стремилась «къ прекрасной возвышенной цѣли», страданіе было большое. «Но счастье, вдвоемъ столь живое, на вѣки-ль исчезло? И прежніе дни вотще ли столь были прекрасны?».

О, нѣтъ, никогда не погибнетъ ихъ слѣдъ;
Для сердца прошедшее вѣчно.
Страданье въ разлукѣ есть та же любовь;
Надъ сердцемъ утрата безсильна.
И скорбь о погибшемъ не есть ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды,
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ
Погибшее намъ возвратится?
Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ,
Уже одинокимъ не будетъ...

Въ той же мечтѣ жилъ самъ Жуковскій. Для него дѣйствительность, грустная и порою мучительная, не составляла всей жизни. Онъ жилъ мечтой, воспоминаніемъ, надеждой, жилъ душевнымъ міромъ. И этотъ душевный міръ оберегалъ отъ всякаго загрязненія. Какъ въ обыденной жизни люди чистоплотные стараются устранить грязь и отбросы изъ комнаты, въ которой живутъ, какъ они стараются украсить свое жилище, такъ человѣкъ, привыкшій къ заглядыванью въ собственную душу, сознавшій, что внѣшностью не ограничивается жизнь, стремится сдѣлать душу свою чище и красивѣе. И къ этой «возвышенной цѣли» стремился Жуковскій. Его Теонъ говорилъ:

Съ сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мнѣ земная священна;
При мысли великой, что я—человѣкъ,
Всегда возвышаюсь душою.

Конечно, исключительныя обстоятельства сдѣлали то, что Жуковскій почти не жилъ въ дѣйствительности, что большая часть

Дс. 186910

его радостей и утѣхъ была въ мечтѣ, въ воображеніи, въ воспоминаніи. Конечно, большинство людей не можетъ въ такой степени отходить отъ жизненной обстановки, жить исключительно собственными душевными созданіями. Но то значеніе, которое имѣютъ въ жизни человѣка движенія души, тѣ радости, которыя доставляетъ воображеніе, то довольство, которое создается стремленіемъ къ «возвышенной цѣли», русскіе читатели узнали отъ Жуковскаго. Вмѣстѣ съ нимъ они пріучались придавать меньшее значеніе внѣшнимъ благамъ и вмѣстѣ съ нимъ пріучались искать радостей въ глубинахъ своей души. Для многихъ читателей поэзія во всей красѣ предстала только въ произведеніяхъ Жуковскаго. Потому что первымъ дѣйствительнымъ поэтомъ, видѣвшимъ въ поэзіи жизнь, усладу, радость, утѣшеніе въ горѣ, былъ Жуковскій.

Конечно, ни одинъ читатель не могъ въ такой степени утѣшаться отъ жизненныхъ невзгодъ при помощи поэзіи, какъ самъ Жуковскій, потому что ни одинъ изъ нихъ не обладалъ такимъ творческимъ даромъ. Для Жуковскаго жизнь души, ея пріобрѣтенія были выше, цѣннѣе, чѣмъ все внѣшнее и матеріальное. Тяжки потери, жестоко неисполненіе надеждъ, и онъ это пережилъ. Онъ зналъ и потерю друга, и гибель любви, и пришелъ къ заключенію:

Отъемлетъ каждый день у насъ
Или мечту, иль наслажденье,
И каждый разрушаетъ часъ
Драгое сердцу заблужденье.

Но печальной судьбѣ надо, по мнѣнію Жуковскаго, безропотно покориться. «Что посылаетъ судьба, принимай и не сѣтуй»,—говоритъ онъ въ посланіи «Къ самому себѣ». И если даже она пошлетъ смерть дорогого существа,—страдай, скорби, но помни, что жизнь не ограничивается внѣшними отношеніями и не оканчивается этимъ міромъ. На смерть лучшаго друга своего, А. Тургенева, Жуковскій писалъ стихи, которые оканчивались такъ:

...Пройдетъ и жизнь, ты будешь мой опять.
Во гробѣ намъ судьбой назначено свиданье.
Надежда сладкая, прелестно ожиданье!
Съ какимъ веселіемъ я буду умирать!

Въ томъ же году къ другой особѣ онъ обращается со стихотвореніемъ:

...Нѣтъ, мой милый другъ, не будемъ безнадежны;
Есть пристань вѣрная, есть берегъ безмятежный;
Тамъ все погибшее предъ нами оживетъ.

Это — въ будущемъ. А въ настоящей жизни «что усладою утратъ?». Жизнь души, жизнь сердца и болѣе всего, конечно, жизнь творческой фантазіи:

Чудесный даръ боговъ!
О, пламенныхъ сердецъ веселье и любовь,
О, прелесть тихая, души очарованье,—
Поэзія! Съ тобой
И скорбь, и нищета, и мрачное изгнанье
Теряютъ ужасъ свой.

Поэзія — цвѣты, которыми можно усыпать колючую дорогу,

чтобы нога не чувствовала жестокихъ уколовъ. Онъ обращается къ поэтамъ:

Пѣвцы, друзья души моей!
Въ печальномъ странствіи минутной жизни сей
Тернистую стезю цвѣтами усыпайте
И въ пылкія сердца свой пламень изливайте...
Да бѣдный труженикъ душою расцвѣтетъ
Отъ вашихъ пѣсней благодатныхъ.

Жуковскій познакомилъ читателей не съ одними только собственными произведеніями. Въ западной литературѣ онъ находилъ многое, что отвѣчало его настроенію, и это близкое ему онъ передавалъ въ стихахъ иногда не менѣе звучныхъ и красивыхъ, чѣмъ подлинныя стихотворенія иностранныхъ авторовъ.

Грустна и тревожна была душа Жуковскаго. И эта тревога особенно сильно выразилась въ тѣхъ стихотвореніяхъ его, которыя называются балладами. Это—отчасти переводныя съ иностраннаго, отчасти самостоятельныя произведенія. Въ нихъ—ужасы, окружающіе насъ. Какъ человѣкъ, жившій не дѣйствительностью, а мечтою, Жуковскій въ балладахъ своихъ создавалъ воображаемые ужасы. Изъ дѣйствительности онъ бралъ для нихъ мрачную обстановку. Дѣло всегда происходило глубокой ночью; нерѣдко гремѣлъ громъ, бушевала буря; иногда вдругъ освѣщала ужасныя видѣнія луна; порою крутила снѣжная метель. И въ этой обстановкѣ являлись мертвецы, поднимались привидѣнія, раскрывались гроба. Мертвецы пугали, мстили за нарушеніе божественныхъ законовъ, увозили съ собой преступниковъ или однимъ появленіемъ своимъ приводили ихъ въ трепетъ и заставляли раскаяться въ грѣхахъ.

Это было уже не сантиментальное воспѣваніе чувствъ дружбы и неизмѣнной любви. Здѣсь чувствовалось вліяніе другого литературнаго направленія, о которомъ мы поговоримъ въ одномъ изъ послѣдующихъ выпусковъ. Но, заимствовавъ у иностранцевъ отголоски этого направленія, Жуковскій остался все тѣмъ же кроткимъ и незлобивымъ поэтомъ, настаивавшимъ на безпрекословной покорности судьбѣ. За что наказывались тѣ, къ кому являлись покойники, передъ кѣмъ раскрывались гроба, кого уносили съ собой мертвецы? Конечно, между наказываемыми были и убійцы, и настоящіе преступники; но одинаково съ ними терпѣли наказаніе и роптавшія на судьбу дѣвицы, и жены грубыхъ и ревнивыхъ мужей, рѣшавшіяся назначать свиданія постороннимъ мужчинамъ.

Когда умеръ, напримѣръ, женихъ Людмилы, она роптала и за ропотъ была наказана. Она говорила:

Что прошло—невозвратимо.
Небо къ намъ неумолимо;
Царь небесный насъ забылъ!
Мнѣ-ль онъ счастье не сулилъ?
Гдѣ-жъ обѣтовъ исполненье?
Гдѣ святое Провидѣнье?
Нѣтъ, немилостивъ Творецъ;
Все прости, всему конецъ!

Напрасно мать останавливала ея ропотъ, напрасно убѣждала ее:

О, Людмила, грѣхъ роптанье.
Скорбь—Создателя посланье;
Зла Создатель не творитъ;
Мертвыхъ стопъ не воскреситъ.

Людмила повторяла:

Что, родная, муки ада?
Что небесная награда?
Съ милымъ вмѣстѣ—всюду рай;
Съ милымъ розно райскій край—
Безотрадная обитель.

И вотъ, въ полночь, когда «потряслись дубовъ вершины», явился женихъ и позвалъ Людмилу съ собой. Обманутая призракомъ, Людмила поѣхала.

Мчатся всадникъ и Людмила.
Робко дѣва обхватила
Друга нѣжною рукой,
Прислонясь къ нему главой.
Скокомъ, летомъ по долинамъ,
По буграмъ и по равнинамъ;
Пышетъ конь, земля дрожитъ,
Брызжутъ искры отъ копытъ;
Пыль катится вслѣдъ клубами:
Скачутъ мимо нихъ рядами
Рвы, поля, бугры, кусты,
Съ громомъ зыблются мосты.

И вотъ пріѣхали:

Что же, что въ очахъ Людмилы?
Камней рядъ, кресты, могилы.
И среди нихъ Божій храмъ.
Конь несется по гробамъ.
Стѣны звонкій вторятъ топотъ,
И въ травѣ чуть слышный шопотъ,
Какъ усопшихъ тихій гласъ...
Вотъ денница занялась.
Что же чудится Людмилѣ?
Къ свѣжей конь примчалъ могилѣ,
Бухъ въ нее и съ сѣдокомъ.
Вдругъ—глухой подземный громъ;
Страшно доски затрещали,
Кости въ кости застучали,
Пыль взвилася, обручъ хлопъ,
Тихо, тихо вскрылся гробъ...
Что же, что въ очахъ Людмилы?
Ахъ, невѣста, гдѣ твой милый?
Гдѣ вѣнчальный твой вѣнецъ?
Домъ твой—гробъ, женихъ—мертвецъ.

И когда Людмила, мертвая, пала въ ту же могилу, «усопшіе толпою потянулись изъ могилъ, тихій страшный хоръ завылъ»:

Смертныхъ ропотъ безразсуденъ,
Царь Всевышній правосуденъ:
Твой услышалъ стонъ Творецъ,
Часъ твой билъ, насталъ конецъ!

Изъ балладъ Жуковскаго нѣкоторыя и до сихъ поръ не потеряли своей красоты. Такова, напримѣръ, переводная баллада «Лѣсной царь». Нѣкоторыя и сейчасъ поражаютъ звучностью своихъ стиховъ, напримѣръ, «Замокъ Смальгольмъ», начинающійся такъ:

До разсвѣта поднявшись, коня осѣдлалъ
Знаменитый Смальгольмскій баронъ;
И безъ отдыха гналъ, межъ утесовъ и скалъ,
Онъ коня, торопясь въ Бротерстонъ.
Не съ могучимъ Боклю совокупно спѣшилъ
На военное дѣло баронъ,
Не въ кровавомъ бою перевѣдаться мнилъ
За Шотландію съ Англіей онъ.
Но въ желѣзной бронѣ онъ сидитъ на конѣ,
Наточилъ онъ свой мечъ боевой;
И покрытъ онъ щитомъ, и топоръ за сѣдломъ
Укрѣпленъ двадцати-фунтовой.

Въ этой балладѣ, какъ и въ другихъ стихотвореніяхъ, борьба съ судьбой считается преступленіемъ, къ чему бы она ни приводила,—къ убійству ли, или къ грѣховной любви. И баронъ, убившій измѣннническимъ способомъ своего соперника, и его молодая жена, полюбившая другого,—оба должны искупать свои грѣхи одинаковымъ образомъ, оба въ монашескихъ обителяхъ должны молить Бога о прощеніи.

«Выкупается кровью пролитая кровь,—
То убійцѣ скажи моему.
Беззаконную Небо караетъ любовь,—
Ты сама будь свидѣтель тому»...
Есть монахиня въ древнихъ Драйбурскихъ стѣнахъ,
И грустна и на свѣтъ не глядитъ.
Есть въ Мельрозской обители мрачный монахъ,
И дичится людей и молчитъ.
Сей монахъ, молчаливый и мрачный, кто онъ?
Та монахиня, кто же она?
То убійца, суровый Смальгольмскій баронъ,
То его молодая жена.

Что привлекало читателей въ балладахъ Жуковскаго? Вѣдь надо сознаться, что содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ несообразно: мертвый женихъ везъ съ собой въ могилу живую невѣсту или убитый рыцарь являлся на свиданіе къ чужой живой женѣ. Такими несообразностями и невѣроятностями, если нѣтъ въ произведеніи другихъ достоинствъ, читателя не привлечешь. А между тѣмъ баллады читались; каждую новую балладу съ интересомъ ждали; Жуковскій увлекалъ читателя. Чѣмъ же? Не надо забывать красоту стиха Жуковскаго. Этотъ стихъ былъ легче, музыкальнѣе, красивѣе, или, какъ говорилъ Пушкинъ, плѣнительнѣе, чѣмъ все, что было до него. О Жуковскомъ писалъ Пушкинъ:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль.
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

Но кромѣ красоты стиха въ балладахъ было и другое, что привлекало читателей.

Вы видали, конечно, какъ слушаютъ страшныя сказки дѣти. Если вамъ самимъ приходилось слышать ихъ въ дѣтствѣ, то вы помните чувства, которыя испытывали при этомъ. Вы боялись остаться одинъ въ темнотѣ, вы испытывали страхъ и не хотѣли отдѣлаться отъ него,—вамъ хотѣлось, чтобы разсказчикъ продолжалъ, вы просили: еще, еще. Вамъ нравилось, что вы узнаете что-то таинственное, непохожее на обыкновенное и необъяснимое для васъ. Какія-то странныя существа дѣйствуютъ въ сказкѣ, что-то они дѣлаютъ такое, что ни мнѣ, ни вамъ, никому другому изъ знакомыхъ не сдѣлать. Дѣти знаютъ, что это—выдумка, и все-таки вѣрятъ, что это—правда, и кажется имъ, что вотъ-вотъ эти странныя сказочныя существа придутъ сюда и будутъ такъ же дѣйствовать на людей, какъ дѣйствовали въ сказкѣ.

Думаете ли вы, что только дѣти таковы? Нѣтъ, таковы и взрослые. Сказку, которая увлекаетъ дѣтей, взрослые, можетъ-быть, и не станутъ слушать; но испытать чувства дѣтей, слушающихъ сказку, они готовы. Имъ также нравится это соприкосновеніе съ таинственнымъ міромъ, непонятнымъ и жуткимъ. И привлекаетъ это чувство потому, что многаго въ жизни, въ нашей душѣ, въ природѣ мы не можемъ понять. И, не умѣя понять, мы склонны видѣть въ этомъ непонятномъ вліяніе какихъ-то таинственныхъ силъ, которыя и пугаютъ, и манятъ къ себѣ, какъ пугаетъ и манитъ къ себѣ дѣтей страшная сказка. Вы, напримѣръ, видѣли сонъ, который васъ взволновалъ, а можетъ-быть, даже и испугалъ. Вслѣдъ за этимъ сномъ въ вашей жизни произошло что-то волнующее и пугающее. И вы склонны видѣть какую-то необъяснимую для васъ связь между сномъ и этимъ дѣйствительнымъ событіемъ,—и тайна этой связи пугаетъ и манитъ васъ, какъ манитъ путешественника, находящагося на верху горы, заглянуть въ пропасть, куда опасно соскользнуть, гдѣ при малѣйшей неосторожности грозитъ вѣрная смерть. Конечно, если бы вы могли вспомнить всѣ мелочи, которыя предшествовали сну, можетъ-быть, вы и открыли бы, что въ вашей жизни вызвало этотъ сонъ, но вспомнить все вамъ трудно,—и тайна остается, и вамъ страшно, и любопытно въ нее проникнуть. И не только то, что происходитъ въ душѣ, кажется намъ непонятнымъ и таинственнымъ, но многое и въ природѣ.

Наука многому даетъ объясненіе, какъ объяснила она, напримѣръ, происхожденіе грозы, молнію и громъ, которые прежде объяснялись таинственными и непонятными силами. Но многое недоступно наукѣ,—и тайны все-таки окружаютъ человѣка, и въ немъ остается постоянное стремленіе въ нихъ проникнуть помимо науки.

Вотъ этому стремленію, этой постоянно живущей въ человѣкѣ потребности и удовлетворяли баллады Жуковскаго. Что-то въ нихъ

было таинственное, странное, непонятное, волновавшее читателя и тревожившее и увлекавшее его. Нѣкоторыя баллады, какъ «Лѣсной царь», не могутъ не нравиться и теперь, по красотѣ образовъ, въ которую одѣта таинственность, по красотѣ стиха, музыкальнаго и сильнаго.

Для Жуковскаго и въ самой судьбѣ людей было что-то таинственное. Но ни противъ судьбы, ни противъ сильныхъ людей не пробовалъ онъ бороться и не призывалъ къ борьбѣ.

Призывные къ борьбѣ стихи невольно являлись у него, когда дѣло касалось Россіи. Жуковскій любилъ Россію и доказалъ свой патріотизмъ, т. е. свою любовь къ отечеству, не только тѣмъ, что въ годы Отечественной войны поступилъ въ ополченіе, не только тѣмъ, что писалъ патріотическія стихотворенія, но доказалъ это всей своей литературной дѣятельностью, возвышавшей и облагораживавшей душу русскихъ людей. Отечественная война 1812 года вызвала у него стихотвореніе, которое въ то время имѣло огромный успѣхъ. Въ этой большой поэмѣ, названной имъ «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ», онъ говоритъ о военачальникахъ, прославившихся въ борьбѣ за отечество въ 1812 году. Вмѣстѣ съ воинственными картинами и призывами въ этомъ произведеніи попадаются картины мирныя, стихи, посвященные той «родинѣ святой», которую такъ любилъ Жуковскій:

Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О, родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя!?

Жизнь Жуковскаго, его характеръ, его поэзія, сказали мы, представляютъ одно цѣлое и недѣлимое. Все, что мы узнали здѣсь о немъ, только подтверждаетъ сказанное. Жуковскій не любилъ несправедливости, желалъ всеобщаго счастья и мира. Но добивался онъ справедливости и всеобщаго счастья не борьбой со зломъ, а стремленіемъ поселить въ людяхъ добрыя чувства. Въ годы крѣпкихъ устоевъ крѣпостничества онъ не поднялъ громкаго голоса противъ него, но свои собственныя ошибки, вызванныя существованіемъ крѣпостного права, онъ стремился поправить, и проданныхъ крѣпостныхъ своихъ онъ выкупалъ у новыхъ владѣльцевъ, чтобы дать имъ волю.

Грустный и тревожный, онъ писалъ грустныя и тревожныя произведенія. Лишь въ очень пожиломъ возрастѣ, когда онъ женился на горячо любившей его молодой дѣвушкѣ, Жуковскій успокоился сердцемъ, и произведенія его стали спокойными и мирными.

И если теперь вы попробуете опредѣлить въ двухъ словахъ, что главнымъ образомъ занимало Жуковскаго, вы отвѣтите: жизнь

50к

души. Ни счастливыя внѣшнія обстоятельства, ни житейскіе успѣхи, ни богатство,—ничто не могло для него сравниться съ тѣми радостями, которыя даетъ жизнь души. Если васъ въ жизни преслѣдуютъ неудачи, если вамъ пришлось испытать потери, если, кромѣ невзгодъ, вы ничего въ будущемъ для себя не видите,—можете ли вы быть счастливы? Можете,—отвѣчаетъ Жуковскій,—передъ вами—воспоминанія о счастьѣ, передъ вами—возможность душевной радости, передъ вами—богатая душевная жизнь. Человѣчество несчастно: въ немъ и несправедливости, и жестокости, и клеветы, и измѣны; можно ли его сдѣлать счастливѣе? Можно,—отвѣчаетъ Жуковскій,—но не борьбой со зломъ, не суровыми казнями, а нравственнымъ воздѣйствіемъ, внутреннимъ улучшеніемъ, большимъ совершенствомъ души. Поэтому гдѣ постоянная утѣха, гдѣ настоящее счастье? Настоящее счастье и дѣйствительная утѣха,—отвѣчаетъ Жуковскій,—тамъ, гдѣ человѣческая душа развертывается совершенно, гдѣ нѣтъ ничего посторонняго, гдѣ человѣкъ наединѣ самъ съ собой, т. е. въ поэзіи, въ высокомъ духовномъ, а не матеріальномъ наслажденіи.

Въ этомъ—главное значеніе Жуковскаго. Поэты прежняго времени хотѣли быть угодными высокопоставленнымъ лицамъ; онъ лелѣялъ иную мечту: «плѣнять высокою душою». Въ грубыя мысли и грубыя сердца людей, занятыхъ только заботами о денежныхъ выгодахъ и сытныхъ удовольствіяхъ тѣла, онъ вносилъ иныя мечты, онъ призывалъ къ другому. И, пользуясь «плѣнительной сладостью» своихъ стиховъ, онъ дѣйствовалъ на читателей: онъ расширялъ кругъ тѣхъ, кто можетъ наслаждаться литературой, онъ дѣлалъ своихъ читателей счастливѣе и лучше. Онъ заставилъ читателей полюбить поэзію для собственнаго ихъ, читателей, наслажденія; благодаря ему они живѣе почувствовали радости дружбы, нѣжности, любви, смогли поставить ихъ выше грубыхъ животныхъ удовольствій.

Пришли другія времена, явились еще при жизни Жуковскаго другіе поэты, болѣе сильные, еще болѣе вдохновенные. Но ихъ дѣятельность была бы затруднена, ихъ вдохновеніе было бы ослаблено, если бы предварительно читатель не былъ подготовленъ къ чтенію поэзіей Жуковскаго.

Т-во „ЗАДРУГА“.

МОСКВА, Воздвиженка, Крестовоздвиженскій, 9.
ПЕТРОГРАДЪ, Гончарная ул., 24.
Отд. въ ХАРЬКОВѢ: Петровскій пер., 13.
Кн-во „НАРОДНАЯ СВОБОДА“.

Типографія Т-ва «Русскихъ Вѣдомостей», Москва, Никитская, Бол. Чернышевскій пер., д. № 7.